

- ⁷ Ibid.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid. S. 204.
- ¹⁰ Ibid. S. 205; *Budzillo J.* *Wojna moskiewska wzniecona i prowadzona z okazji fałszywych Dymitrów od 1603 do 1612 r.* Wrocław, 1995. S. 134.
- ¹¹ *Budzillo J.* *Wojna moskiewska...* S. 134.
- ¹² *Maskiewicz S.* *Dyjarusz.* S. 206.
- ¹³ *Budzillo J.* *Wojna moskiewska...* S. 136; *Maskiewicz S.* *Dyjarusz.* S. 207.
- ¹⁴ Wjazd K. J. M. *Polskiego Zygmunta Trzeciego do Moskwy A.D. 1610* // AGAD. AR. II, 12. Ark. 639. Этот аноним приводит две истории. Первое событие: «...ибо пришли однажды к пану войсковому судье немцы, на голод жалуясь. Тот, не имея, что им дать, отдал им двух колодников, потом трех, они их съели. И пахолики также когда их получили, так как немцы, словно как мед их съели». Другое событие, о котором вспоминает анонимный свидетель, касается уже высшего командования: «У старших такой же голод был, что и у товарищей. Однажды собралось товарищество у пана референдария и пана Зборовского, которые, приказав столы понакрыть, просили тех на банкет, и такие блюда изысканные поданы были: плесневелые сухари с хреном, каша с перцем, а вместо вина — квас или вода. Товарищи, один с другим тихонько говоря, никто громкого слова не сказал, съевши понемногу кушаний этих, на стены сразу шли».
- ¹⁵ Отписка с Верхотурья в Туринск о присылке польских пленников и их распросных речей, после 22 января 1612 г. // *Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг.* Вып. 3: Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля — 1613 г.). М., 1915. С. 47–48.
- ¹⁶ *Maskiewicz S.* *Dyjarusz.* S. 207. О сложности задачи и степени сопротивления московских войск свидетельствует сообщение Маскевича: «Выскочила москва и часть возов с провизией отбила, но немного. У меня самого, однако, 5 взяли. Гонялись мы за ними долго у самой реки и неприятеля отразили».
- ¹⁷ *Budzillo J.* *Wojna moskiewska...* S. 138.
- ¹⁸ Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Krakowie. Rkps. 8397. Ark. 37.
- ¹⁹ Ibid. Ark. 64.
- ²⁰ *Budzillo J.* *Wojna moskiewska...* S. 144.
- ²¹ *Балыка Б.* О Москве и о Дмитрию, царю московском ложном // *Киевская старина.* 1882. № 7. С. 103.
- ²² *Лаврентев А. В.* Оригинальные сведения о «смутном времени» в летописном своде 1652 г. // *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода:* Сб. ст. М., 1982. С. 119.
- ²³ *Балыка Б.* О Москве... С. 103–104.
- ²⁴ NN — NN, Warszawa, 20.XI.1612 // *Muzeum Narodowe w Krakowie. Oddział: Zbiory Czartoryskich.* Rkps. 361. Ark. 135–138.
- ²⁵ *Budzillo J.* *Wojna moskiewska...* S. 164–165.
- ²⁶ Ibid. S. 165.
- ²⁷ Отписка воевод и ратных людей Д. Трубецкого, Д. Пожарского и др. на Белоозеро воеводе С. Чепчугову, конец октября — начало ноября 1612 г. (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2: 1598–1613. С. 374–375).
- ²⁸ *Балыка Б.* О Москве... С. 104.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Budzillo J.* *Wojna moskiewska...* S. 162.
- ³¹ NN — NN, Warszawa, 20.XI.1612 // *Muzeum Narodowe w Krakowie. Oddział: Zbiory Czartoryskich.* Rkps. 361. Ark. 135–138.
- ³² *Авраамий (Палицын А. И.).* Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 228. Палицын также упоминает о чудовищных находках, на которые, заняв Китай-город, наткнулись казаки Трубецкого: «И обретоша много тщанов и наполов плоти человеческия солены и под стропами много трупы человеческого <...>».

А. А. Селин

СЕМЬЯ НОВГОРОДСКИХ КУПЦОВ ИГОЛКИНЫХ ДО СМУТЫ, В СМУТУ И ПОСЛЕ НЕЕ

История Новгорода в Смутное время чрезвычайно богата яркими и поучительными событиями. Сосуществование шведской и Русской администрации в течение нескольких лет, родившееся как компромисс между военной силой шведов и общественной активностью новгородцев и только к Пасхе 1615 г. определившееся как шведская оккупация, явило собой опыт интеграции военной, бюрократической и, вероятно, политической культуры двух народов.

Среди участников событий на Северо-Западе в годы Смутного времени видное место занимает гость Степан Юрьев сын Иголкин. Вместе с родным братом Иваном он участвовал в посольстве юрьевского архимандрита Никандра, отправленном из Новгорода 25 декабря 1611 г. в Стокгольм к королю Карлу IX для приглашения одного из королевских сыновей на московский престол.

Современный комментатор «Истории» Юхана Видекина И. П. Кулакова привела подробный анализ биографий братьев¹. Она связала их с родом псковских купцов Иголкиных, потомков жившего в XV в. псковского купца Игнатия Иголки. Участники посольства Степан и Иван Иголкины были сыновьями псковского купца Юрия Иголкина и принадлежали к верхушке псковского купечества. В феврале 1600 г. Юрий Иголкин был послан в Ригу для переговоров о принятии русского подданства².

По предположению исследовательницы, Иголкины могли быть среди бежавших из Пскова «лучших людей» в 1608 г. Однако это не так.

Среди новгородских таможенных целовальников 17 марта 1576 г. упоминается Владимир Иголкин со Славковы улицы³. Юрий же Иголкин обосновался в Новгороде уже в начале XVII в. В 1602 г. при подготовке к встрече датского принца Ганса встал вопрос о том, на чем датчанин проследует из Ивангорода. По указанию Посольского приказа новгородская администрация выяснила, у кого в Новгороде есть достойный транспорт. «Колымажки», в которых было уместно везти принца, нашлись на митрополичьем дворе и во дворе гостя Юрия Иголкина и Федора Прокофьева. Они были взяты и 4 августа 1602 г. посланы в Ивангород⁴. «Колымажка» Юрия Иголкина так описана источниками: «Колымажка киноваренная гостя Юрья Иголкина, а на ней сукно червчато инбарское, подложено белыми холсты, а хомута и дуги и шлея и тяжи нет, а колеса у колымажки окованы железом»⁵. Одновременно новгородские воеводы писали, что для свиты датского королевича пригодны лучшие дворы новгородцев на Михайлове улице, находившиеся близ старого государева двора дворы Юрья Иголкина, Ивана Онаньина и Петруши Исакова⁶. Видимо, это тот же двор, который в 1615 г. принадлежал сыну Юрия Степану Иголкину и был определен шведской администрацией для английского посла Джона Мерика⁷.

Вероятно, Юрий Иголкин скончался тогда же, в начале XVII в. Документы из архива Новгородской приказной избы не упоминают его. Сомнение вызывает сообщение 12 октября 1615 г. лазутчика Данилки Ржевы московским послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами, что среди новгородцев, с которых шведы взимают непосильные платежи — Иван Харламов, Юрий Иголкин и Истома Демидов⁸.

В 1604/05 г. упоминаются дети Юрия Иголкина Семен и Александр, за которых «о серебряных судах» поручился подьячий Павел Алексеев⁹. О Семене и Александре Иголкиных более не известно.

Главный герой настоящего сообщения Степан Юрьев сын Иголкин служил новгородским таможенным головой еще в 1592 г. Но хронологически первое хорошо документированное событие его биографии — это тяжба с дьяком Иваном Тимофеевым в апреле 1611 г.

В конце 1950 — начале 1960-х гг. большая группа советских ученых во главе с Л. В. Черепниным посетила Швецию. Это стало импульсом к возобновлению интереса к событиям эпохи Смуты в Новгороде. Черепнин, работая с архивом Новгородской приказной избы 1611–1617 гг., хранящимся в шведском Государственном архиве, обнаружил и опубликовал судное дело, возбужденное дьяком Пятым Григорьевым, всеильным руководителем Новгородского дворцового приказа, против Ивана Тимофеева. В этом деле упоминается о челобитной, поданной в апреле 1611 г. на дьяка Тимофеева гостем Степаном Иголкиным. Черепнин подчеркнул связь между судебными преследованиями, которым дьяк Иван Тимофеев подвергался в Новгороде при шведах, и строками его «Временника», говорящими о злобствовании в Новгороде не только шведов, «иже граз враждебно, яко змиеве, своими зубы держащих» но и «неверных» «же приседят о нас татю в ловителях ко еллинам», которых Тимофеев обвинял в расколе общества. По мнению Черепнина, под этими неверными Тимофеев имел в виду скорее всего новгородских дьяков Пятого Григорьева и Семена Лутохина¹⁰. Рассматривая данное судебное дело, Черепнин попытался выявить политическую приверженность его фигурантов. По его наблюдениям, дьяк Тимофеев был врагом и дьяку Ефиму Телепневу (перебравшемуся ко времени завершения «Временника» в Москву и имевшему чины дворянина московского, позднее — думного дьяка), и М. И. Татищеву. Черепнин считает, что «между смертью Скопина в Москве в апреле 1610 г. и затруднениями, с которыми столкнулся Тимофеев, желавший примерно в то же время попасть в Москву, по-видимому, есть какая-то внутренняя связь». Здесь Черепнин склонен вслед за традиционной русской историографией XIX в. идеализировать Скопина.

По мнению Черепнина, челобитчики на Тимофеева в апреле 1611 г., в том числе гость Степан Иголкин, входили в число бывших сторонников Татищева. Совершенно точно недоброжелателем Ивана Тимофеева был гость Степан Иголкин, которого шведские информаторы о Выборгских переговорах называли «новгородским бургомистром». Конфликтовавший со Степаном Иголкиным дьяк Иван Тимофеев рисует его портрет не столь патетически. Дьяк обвинял купца в злоупотреблениях при сборе тамги: «Да тот же, государь, Степан Иголкин, сидячи в таможенной избе, торгует всякой мягкой рухлядью. И как, государь, придет гость с товаром, и он товар держит день и другой в таможенной избе — соболи и рыси и бобры, и всякой мяхкой товар для своей корысти. И как, государь, тот товар у гостя купят, и он емлет прибыль сидячи, кому тот товар достанетца. И в том, государь, шлемся на бобровой ряд на весь и на скорнячной и на всех торговых людей, которые мяхкой рухля-

дью торгуют». Попытку привлечь Иголкина к ответственности Тимофеев предпринял сразу по прибытии в Новгород, в феврале 1607 г.¹¹ Обращает на себя внимание, что и первый Иголкин-новгородец, Владимир в 1576 г. связан с таможенным делом, и сам Степан Иголкин с 1592 г. имел отношения с новгородской таможенной.

Центральным событием в жизни Степана Иголкина стало его участие в Выборгских переговорах лета 1613 г. В Выборг посольство юрьевского архимандрита Никандра попало после полутора лет пребывания в Стокгольме.

По какой-то причине Черепнин счел гостя Степана Иголкина, члена посольства 1611–1612 гг., сторонником шведской династии¹², хотя позиция С. Иголкина на переговорах с королем была совсем не однозначной и даже, как сказали бы советские ученые 1960-х гг., «патриотической». Апологет Якова Деллагарди шведский историк XVII в. Юхан Видекинд так описывает поведение С. Иголкина на аудиенции у Густава Адольфа: «*Неуместная речь новгородского старосты*. Когда те уже собирались это сделать, вдруг бестолково вмешался новгородский староста (в латинском переводе: один из бургомистров) Степан Иголкин (Igolkinus) и спросил, что это еще за присяга? Может быть, они решили совсем покориться шведской власти? Ему-то она столь же противна, как и польская (в латинском переводе: Русские не подчинятся и шведской власти, как не подчинились польской, пока останется в живых хоть младенец в колыбели)»¹³. По наблюдениям комментатора Видекинда В. Геймана, «очевидно, текст присяги, принесения которой требовали шведы, говорил не о признании Карла Филиппа самостоятельным от Швеции русским царем, а об инкорпорации Новгорода в состав Шведского государства. Инструкция Густава Адольфа от 18 июля 1613 г. шведским сенаторам, сопровождавшим Карла Филиппа и уполномоченным для ведения переговоров в Выборге, предписывала добиваться присоединения Новгорода к Швеции в том случае, если в Выборг придут послы не от всего Московского государства, а лишь от Новгорода <...> Поэтому речь Иголкина далеко не была “бестолковой”, а имела большой политический смысл. Она изложена Г. В. Форстенем несколько в иной редакции, чем у Видекинда: “О какой клятве идет тут речь, уж не намерены ли шведы подчинить русских своей Короне? Но русские так же мало желают отдаться Швеции, как и подчиниться Польше”».

Позиция новгородского гостя Степана Иголкина, высказанная в Выборге — об «историческом единстве» Новгорода и Москвы, вряд ли разделялась всеми новгородцами в 1612–1613, да и в 1614 г. Однако все участники посольств архимандритов Никандра и Киприана, оказавшиеся летом 1613 г. в Выборге, присягнули Карлу Филиппу. В записках Тордсена, бывшего секретарем Карла Филиппа в Выборге 1613 г., сохранился перевод присяги, принесенной перед отъездом на Родину 17 сентября 1613. В нем упомянуты дьяк Мина Третьяк Копнин, гости Степан Иголкин и Иван Харламов, дворяне Федор Бутурлин, кн. Василий Кропоткин, кн. Мурза Мышецкий, Гордей Судоков, Дмитрий Зеленин, Никита Калитин, Юрий Копнин, подьячие Петр Копнин и Орефа Башмаков¹⁴.

Находясь в Швеции, Степан Иголкин вынужден был дать Якову Деллагарди займы «чепь золоту с камнем с алмазы да с рубины и з жемчюги да запонку золоту», а также деньги. Вплоть до 1623 г. Яков Деллагарди не отдавал эти деньги. Новгородский воевода кн. Д. И. Мезецкий пытался добиться возвращения цепи, запонки и оставшихся 400 руб. оставшемуся в живых брату Степана Иголкина Ивану¹⁵. Об участии последнего в Стокгольмском и Выборгском посольствах сохранилось гораздо меньше известий.

Всё время отсутствия Степана Иголкина в Новгороде оставалась его жена Устинья. Сохранились сведения о том, что она испытывала в это время денежные затруднения. В 1612 г. ей по указу Деллагарди из судебных пошлин было выдано 30 руб. денег¹⁶. 29 августа 1612 г. она продала двор своего мужа Степана. Новгородские дворяне Василий Трусов и Гаврило Бекетов зарегистрировали за нее купчую запись, «а сказал Василий Трусов: как гость Степан Иголкин поехал в Свию для государя королевича, и поедучи приказал жене своей Устинье двор свой, в котором жил брат его Иван Иголкин, продати»¹⁷. В 1614/15 г. Устинья Иголкина отказалась платить оброк за огородное место¹⁸. Она пережила события 1615–1617 гг., связанные с ужесточением политического режима в Новгороде, и жила в городе в момент составления писцовой книги в 1623 г.: на Михайлове улице упоминается принадлежавшие ей полдвора¹⁹. Однако в росписях пленных 1615 г., представленных как шведской, так и московской стороной, она не упомянута, хотя и Степан и Иван Иголкины находились в то время в Москве.

Они оказались там, следуя вместе с посольством архимандрита Никандра из Выборга в Новгород. Все посольство в Суйде было захвачено псковскими казаками и весной 1614 г. отправлено из Пскова в Москву, куда прибыло 4 апреля. Оба Иголкиных названы гостями. В их свите следовали человек Степана Иголкина Омельян («у рухляди») и человек Ивана Иголкина Артюшка Петров, по дороге из Новгорода во Псков бежавший²⁰. Чрезвычайно скудным представляется имущество гостя

Степана Иголкина по прибытии в Москву: «спанчишко да полсти ветчаные плачены, шуба боранья, треух суконной да коробейка, а в ней рубашенко да портки ветчаные»²¹ (при том, что он сумел дать в долг драгоценные вещи и крупные суммы Якову Делгарди). Имущество Ивана Иголкина вовсе не известно.

Как упоминалось выше, Иван Иголкин был еще жив в начале 1620-х гг. Писцовая книга 1623 г. упоминает сад Ивана Иголкина на Михайлове улице в Новгороде, но называет его не гостем, а «гостевым братом», относя, следовательно, этот чин лишь к Степану Иголкину²². К 1627 г. на новгородской сцене действует уже его сын Сергей Иванов сын, поручившийся по сыну другого новгородского гостя-участника событий Смутного времени, Степану Первому сыну Прокофьева²³.

Потомки братьев Иголкиных жили в Новгороде до петровского времени. В середине XVII в. некий Григорий Иголкин упоминается среди детей боярских новгородского архиепископа (в 1646 г.)²⁴. Посадский человек Елисей Яковлев сын Иголкин весной 1650 г. подписал повинную челобитную новгородцев царю Алексею Михайловичу²⁵. В 1678 г. он жил с 12-летним сыном Ивашком на Щитной улице в Новгороде²⁶. Среди других посадских людей Елисей Иголкин был приглашен на пир 15 августа 1696 г., который новгородский митрополит Евфимий III давал новгородцам по случаю праздника Успения Богоматери²⁷.

Еще один потомок Иголкиных (видимо — Ивана Юрьева сына) в XIX в. стал героем пьесы Н. Полевого и героем картины «Подвиг купца Иголкина». В середине XX в. об этом так писал В. Г. Гейман: «Интересную аналогию случаю с купцом Иваном (так у В. Геймана; верно: Степаном. — А. С.) Иголкиным можно усмотреть в эпизоде, относящемся уже к началу XVIII в. Во времена Северной войны некий купец Иголкин (однофамилец, а возможно и потомок современника Смуты), оказавшись в плену у шведов, убил двоих из них за оскорбительные слова в адрес России и Петра I. По легенде, шведский король Карл XII, изумленный храбростью и патриотизмом Иголкина, отменил вынесенный ему смертный приговор и отправил на родину»²⁸. Этот эпизод подробно рассмотрен в недавней статье Г. М. Коваленко²⁹. Более поздних сведений об Иголкиных в Новгороде мне не известно.

Примечания

¹ Кулакова И. П. [Комментарии] // *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны = Thet Swenska i Rubland Tiiio Ahrs Krijgz-Historie. М., 2000. С. 600.

² Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 128.

³ Уставная грамота таможенной пошлины опричной торговой стороны Великого Новгорода. 1571.17.03 // Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сб. док. / Сост. К. В. Баранов. СПб., 2001. С. 31.

⁴ Отписка в Ивангород воеводе М. Г. Салтыкову и дьяку Афанасию Власьеву из Новгорода от воеводы об отправке с подьячим Немиром Ручкиным колымажек, полученных из Москвы. 1602.4.08 (Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 16).

⁵ Запись об отправке в Новгород 3 новых колымажек с подробным описанием каждой отдельно и кроме того описание простой колымажки на митрополичий двор. 1602.20.07 (Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 4).

⁶ Память новгородскому воеводе кн. В. И. Буйносову-Ростовскому, Третьяку Савину и Василию Бирину о составлении росписи 20–30 лучших дворов в Новгороде. 1602.16.08 (Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 5).

⁷ Отписка С. Г. Коробына с товарищами в Посольский приказ о ходе переговоров о размене пленными 11–12 мая 1615 г. 1615, мая после 12 (РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 119–131).

⁸ Расспросные речи лазутчика Данилка Кондратьева Ржевы, посланного в Старую Русу и в Новгород. 1615.12.10 (РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 294–302).

⁹ Переписные книги судных, разбойных и татейных дел, записок и приходные пошлинных денег с судных и управных дел и холопы Новгородского Судного приказа при разных воеводах и владыках. 1584–1605 (Архив СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 394).

¹⁰ Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. Л., 1961. Т. 7. С. 454–472.

¹¹ Корецкий В. И. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 152–153.

¹² Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры...

¹³ Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 281–282.

¹⁴ Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века: Очерки полит. и воен. истории: Сб. науч. работ. СПб., 2008. С. 219. Прим. 94.

¹⁵ Лист новгородского воеводы кн. Д. И. Мезецкого нарвскому генерал-губернатору Андерсу Эриксону 1623.12.01 (Архив СПбИИ. Кол. 109. Д. 111).

¹⁶ Книги сбора судной пошлины. 1611/12 (RA. NOA. Ser. 1:122. С. 115).

¹⁷ Nordlander I. Real Estate Transfer Deeds in Novgorod 1609–1619 // Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies. № 18. Stockholm, 1987. S. 121.

¹⁸ Показания сборщика Казарина Башмакова о сборе им оброков по приказу боярина князя Ивана Никитича Большого Одовского (отрывок). 1614/15 (Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 4. Д. 522).

- ¹⁹ Писцовая книга Новгорода Великого письма и меры А. И. Чоглокова и дьяка Д. Семенова. Выписи. 1623 // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII вв.: Сб. док. / Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб., 2003. С. 43.
- ²⁰ Перечень посольства Юрьевского архимандрита Никандра в Стокгольм, захваченного по дороге обратно и отправленного в Москву. 1614.4.04 (РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 4. Л. 4–5).
- ²¹ Роспись имущества посольства Юрьевского архимандрита Никандра по прибытии его участников в Москву. 1614 (РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 4. Л. 6–10).
- ²² Писцовая книга Новгорода Великого письма и меры А. И. Чоглокова... С. 44. Неподалеку, на той же Михайлове улице располагался гостиный двор Степана Иголкина, позже переданный дьяку Михаилу Милославскому (Там же. С. 46).
- ²³ Список с расспросных речей подьячих новгородского разрядного стола Григория Федосеева, Богдана Воломского и Ивана (Карпова?) и поручная запись по С. П. Прокофьеве. 1627.1.05–25.08 (РГАДА. Ф. 96. 1629. Д. 2. Ч. 1. Л. 55–58).
- ²⁴ Переписная книга Новгорода Великого переписи кн. Г. Д. Долгорукого и подьячего И. Раковского. 1646 // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого... С. 89.
- ²⁵ Повинная челобитная посадских людей Новгорода. 1650 апреля 27 – мая 16 // Мятёжное время: Следств. дело о новгор. восстании 1650 г. СПб.; Кишинев, 2001. С. 298.
- ²⁶ Переписная книга Новгорода Великого переписи кн. В. Ф. Жирового Засекина и подьячего С. Родионова. 1678 // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого... С. 156.
- ²⁷ Список лиц, приглашенных к столу митрополита Евфимия на праздник Успения. 1696.15.08 (Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 2. Д. 310).
- ²⁸ *Немировская М. А.* Акварель и рисунок XVIII — первой половины XIX века в собрании Государственной Третьяковской галереи. М., 1982. С. 23 (цит. по В. Гейману).
- ²⁹ *Коваленко Г. М.* Новгородские купцы в Стокгольме // Чело. 2008. № 2 (42). С. 58–60.

З. В. Дмитриева, А. В. Крайковский

ЦЕНЫ НА РЫБУ И РЫБОПРОДУКТЫ В НАЧАЛЕ XVII в. (по приходо-расходным книгам Кирилло-Белозерского монастыря)

История цен в России изучалась сравнительно мало. В первую очередь следует назвать классические труды В. О. Ключевского и А. Г. Манькова¹. Работ, специально посвященных движению цен в XVII в., российские ученые так и не создали. Одной из причин такого положения дел является, очевидно, состояние источниковой базы. Источников по истории цен в России XVII в. довольно много, но они не составляют непрерывных долговременных однородных серий, дающих основания для применения статистических методов. Между тем именно наличие таких серий является одним из главных требований, предъявляемых в рамках методики, разработанной Международным комитетом по истории цен в 1930-е гг. Работы таких корифеев данного направления, как, например, У. Бевериджа и Н. Постхюмуса, были созданы согласно этой единой методике, и именно в этом состоит их ценность². В основе их исследований лежат длинные серии однородных данных, которые сводятся в таблицы. Так, работа Н. Постхюмуса основана на бюллетенях Амстердамской биржи, регулярно публиковавшихся с XVII в. Для того, чтобы сделать данные разных источников, созданных на протяжении большого периода времени, сопоставимыми, цены переводились из денежных единиц в граммы чистого серебра.

В результате работ, предпринятых Международным комитетом по истории цен, была разработана единая история движения цен в Европе с XVI по XVIII в. К сожалению, ничего сопоставимого на российском материале создано не было. В настоящее время работа, начатая Международным Комитетом, продолжается под эгидой Международного института социальной истории (Амстердам, Нидерланды), где собрана богатая коллекция данных по истории цен³. В США также существует Группа по изучению глобальных цен и доходов (Global Price and Income History Group), коллекционирующая и выкладывающая в Интернете сведения о ценах, в том числе и российских⁴. Однако анализ накопленного материала отечественными исследователями, очевидно, остается делом будущего.

Отдельно следует сказать о труде американского историка Р. Хелли, выпущенном в 1999 г.⁵ В отечественной исторической литературе уже отмечалось, что этой работе присущ ряд коренных недостатков методологического характера, которые существенно снижают ее ценность⁶. В книге американского историка отсутствует источниковедческий анализ, который подтвердил бы, что данные, которые он подвергает исследованию, достоверны. Не раскрыт также и сам метод работы с материалом, хотя его можно восстановить по мере изучения книги. Монография Хелли разбита на главы, каждая из которых посвящена анализу цен на ту или иную разновидность товаров или категорию расходов. В частности, глава 23 посвящена налогам и пошлинам. Каждая глава начинается со сводной таблицы, в которой представлены названия товаров (по-английски и по-русски в латинской транскрипции), единицы измерения, количество записей, касающихся каждого товара, крайние даты, минимальная,